

«...И ТРУЖУСЬ, И Г Р А Я»

Марсель Марешаль, один из признанных королей французской сцены, снова приехал в Москву. За пять лет, отделяющих его от предыдущих гастролей, он перебрался из Лиона в Марсель, где возглавил Новый Национальный театр.

Французская речь восемь дней лилась со сцены «Современника». «Крипюр» — инсценировка романа Гию «Черная кровь» несправедливо оттеснил второй спектакль, заполнив собой все будние вечера недели. Праздничный вариант — мольеровский «Мнимый больной» значился в субботу и воскресенье.

«Крипюр», невзирая на героические усилия Марешаля в заглавной роли, стал редким примером спектакля, в выборе которого ошиблись авторы.

славского ставший, казалось, домашним драматургом русской сцены, — великий Мольер показал нам, что значит сцена французская! Отношения Марешаля с королем французской драмы лишены той дистанции восхищения, которая издавна установилась между русским театром и лукавым лицедеем.

Замечательный спектакль Станиславского являл взору театрала тринадцатого года подлинный мир, полный предметов, характеров и отношений. Он проверял Мольера русским, реальным искусством — и все сходилось до убедительных мелочей. Марешаль же отнесся к пьесе Мольера «Мнимый больной» примерно так же, как отнесся режиссер А. Эфрос к пьесе Гоголя «Женитьба» — с фамильярностью соотечественника. Он навязал комичнейшей из пьес свое знание истории, мольеровской судьбы и свои собственные идеи, а залогом успеха сделал традицию. Ради чего поставлен «Мнимый больной», Марешаль подробно изложил в комментариях: тема страха перед смертью волновала режиссера в этом спектакле.

К этой постановке можно с чистой совестью отнести все то, что с некоторой натяжкой говорилось о «Крипюре». Иная, но совершенная театральная культура стоит у занавеса этого спектакля. Она движет каждым жестом, она управляет каждой нотой, она ведет мысль. Нация в пору своего расцвета создает культурную эпоху; классицизм стал знаменем Франции. Он с такой же точностью выразил Францию, как реализм — Россию, как Ренессанс — Италию. Главнейшая черта этого стиля есть изящная наглядность. Наглядна идея спектакля: трагический финал, не имея подтверждения по всему действию, перекликается только со сценографией. Роскошно-строгое лиловое убранство сцены порой отдергивается, открывая перспективу: земля, пространство, свет. Лишь раз ступает на нее измученный страхом Арган, прикасается к истинному, и — прочь, на сверкающий пол. Наглядны действующие лица спектакля: каждый в своей стилистике. Подлейшая Белина графична, смугла, лег-

ка, влюбленная Анжелика имеет здоровый и нежный цвет лица, прониры-доктора ходят рядом и дробно стучат ногами. Служанка Туанетта — утонченно неуклюжа, она летает по лестницам в замедленной пластике тигрицы. И сам Арган — Марешаль — весь ужимка, усмешка, корча, рожа, суета!

Классицизм создает мир, который в своем блеске спорит с миром реальным. Условнейший из стилей, столь искусственный в искусстве притворяться, он имеет свои жесточайшие законы. Здесь можно страдать, но соблюдая предел, здесь можно жить, но в рамках. Ничего лишнего — все должно иметь смысл — это искусство, но не жизнь! И сверкает пустынный пол, и кресло отражается в нем, и мариновая лестница ведет вверх, и платье коварной Белины — в тон кулисам. Здесь царит изощренное искусство, сознательно противопоставившее себя природе. Царит живо и легко.

Такой театр требует себе режиссера-деспота. Трагическая идея Марешаля о смерти спускается сверху и реализовывается едва ли не сама по себе — в то время как актеры азартно играют комедию.

При всей разнице театральных культур, актерских школ и языковых групп есть в театре Марешаля то, что объединяет его с русским. Это актеры. Талантливый актер, тот, что умеет увлечь зал одною силою своего таланта, нужен театру любого направления. Условный, психологический, режиссерский, какой угодно, — все они держатся на актерах милостью божьей. Существующие в чуждой нам стихии, говорящие на другом языке, играющие чужую пьесу, эти актеры талантливы и поразительно свободны. Жестоко ограниченные рамой портала, стилем, концепцией, они тем не менее свободны. Эта свобода добыта столетиями экзерсисов, труда и муштры, но теперь она вошла в их плоть и кажется легкой, как дыхание.

Даже в трудные для инязычных гастролей моменты, когда реакция зала запаздывала, французы не терялись и жили на сцене, как и положено французам: бесечно и точно.

Мосье Марешаль покинул столицу любимцем московской публики. Его ждут Киев и Одесса.

Е. ДАВЫДОВА.

Остается только гадать, что явилось причиной тому: излишняя литературность, вторичность идей, дальность ассоциаций или просто сама постановка. Авторы проспекта, выпущенного к гастролям театра в Москве, с достаточной подробностью изложили замысел драматурга и режиссера, который, однако, не получил полного подтверждения в спектакле; лишь отдельные сцены и блестящая сценография напоминали о некогда точной, стремительной и насыщенной режиссуре французского гостя.

Но Жан-Батист Мольер, еще со времен Стани-